

054

юлий ольшванг

текст

ольга борисова

художник петербурга

Фотографии Алексея Титаренко зарождаются в прогулках по городу и появляются на свет из темной мастерской, где вся обработка снимков ведется вручную. Город для художника — это не достопримечательности и люди, а способ выразить эмоции. Большинство его работ посвящены исторической судьбе Санкт-Петербурга. Сегодня Титаренко живет и работает в Нью-Йорке. В Москву фотохудожник приехал на открытие своей выставки «Ретроспектива. Черно-белый Петербург. Проявление не проявленного» в галерее «Победа».

menu Алексей, вы помните, как впервые взяли в руки фотоаппарат? И что вас к этому подтолкнуло?

алексей Родители подарили мне очень старый фотоаппарат «Комсомолец», похоже, еще довоенный. Подарили, чтобы чем-то меня занять, чтобы по улицам не шлялся, и записали в фотокружок. Я их об этом не просил.

menu И какой была ваша первая съемка?

алексей Первая съемка была около фотокружка, который находился во Дворце культуры им. Кирова на Васильевском острове. В тот день на площади перед дворцом репетировался парад к 7 ноября. Я был на подъеме и сфотографировал марширующих солдат и оркестр. Но ничего хорошего не получилось. Потом пленку забрали в архив кружка. Больше я ее не видел.

menu Ваша родина — Санкт-Петербург. Как вам кажется, город, в котором человек родился и живет, влияет на формирование его личности?

алексей Конечно. Район, где я родился, очень повлиял на меня. Васильевский остров. Там, где заканчивается кра-

сивая набережная с домами и начинается Балтийский завод, стоят верфи и краны. Там же находится очень красивое классическое здание Горного института и перпендикулярно идут линии. Последняя линия, которая выходит на набережную, 22-я или 23-я. И дальше уже идут корпуса заводов. Васильевский остров — заводской район. На 24-й линии нет жилых домов, только один, под номером 13. В этом доме я и родился. Все накладывало свой отпечаток. Двор был колодезем, каждый вечер во всех квартирах зажигались окна, мелькали тени, у кого-то одни лампочки, у кого-то другие — все было очень красиво и совпадало с детскими книжками. У меня был чисто петербургский вид из окна: флюгерки, крыши, где может быть, жил местный Карлсон. Это вызывало желания о чем-то помечтать. А выходя на улицу, я видел Сталепрокатный завод — это было уже сталинское здание, завод «Электроаппарат» — тоже сталинское, фабрика кухни — конструктивизм, ДК им. Кирова — шедевр архитектора Ноя Абрамовича Троцкого... За фабрикой кухни находилась огромная площадь и стояла вереница красивых сталинских домов с колоннами.

Петербург Достоевского, который был виден из моего окна, становился совсем другим Петербургом, когда я выходил из квартиры. Родители записали меня в фотокружок, музыкальную школу, шахматно-шашечный клуб, в авиамодельный кружок, еще куда-то и в библиотеку. В основном я ходил в музыкальную школу, иначе мне попало бы от родителей, и в библиотеку. Я всегда любил читать. Дома было скучно. Коммунальная квартира, в комнате жили моя мама, бабушка, ее сестра, муж ее сестры, я... И еще какие-то люди иногда приезжали и жили у нас. Просыпался я рано, делать мне было нечего. Тогда я попросил, чтоб меня научили читать.

menu Сколько вам тогда было?

алексей Пять лет. У меня была плохая речь: я не произносил ни одной гласной и некоторые согласные. Логопед посоветовал научить меня читать, потому что со мной было сложно работать. Меня научили читать, потом логопед научил меня говорить. Мое воображение развивали книжки, а еще магические вывески: «Мясо-рыба», «Парикмахерская», «Пива нет» или «Пиво есть», «Сталепрокатный завод». Потом, начитавшись книг, я стал гулять. У меня начали возникать какие-то смутные идеи, которые хотелось выразить. Мне казалось, я могу что-то нарисовать, но ничего не получалось. Тогда я подумал, что если сниму город фотоаппаратом, то снимки воссоздадут впечатление, мое настроение, мои мысли, через них передастся мое видение. Но ничего, кроме грусти, они не вызывали. Поэтому я понял, что читать книжки и просто гулять по городу более интересное занятие.

menu Но фотографию все-таки не оставили?

алексей Когда я стал старше, желание выразить какое-то изображение внутри меня осталось. Я попросил, чтобы вместо велосипеда мне подарили более совершенный фотоаппарат. И записался в Народный университет общественных профессий на факультет фотокорреспондентов, поскольку других факультетов, связанных с фотографией, не было. Досконально изучил все книги по фотографии, выучил химию, стал делать более качественные снимки, но и это меня ни к чему не придвинуло. Я подумал: «Неужели я такой дурак? Все-таки как-то люди себя выражают, есть же фотографии известные!» И пошел в фотоклуб, находившийся на одном этаже с университетом.

menu Кто там занимался?

алексей Там собирались люди, не связанные с профессией: инженеры, врачи, музыканты, художники. Одни пользовались фотографией, чтобы снимать свои запрещенные работы — это были художники-авангардисты из ДК Газа — и переправлять их за границу. Другие пользовались фотографией для перефотографирования «Архипелага ГУЛАГа» и другой запрещенной литературы для печати в самиздате. В общем, клуб кипел активной жизнью. Можно было ознакомиться

с переснятыми работами художников современных модернистских течений, правда, в черно-белом виде. Как-то мне в руки попала книга о фотомонтаже в оригинале, изданная во Франции. Я свободно владел французским, и меня попросили ее перевести. Я утащил ее домой и внимательно изучил. Она произвела на меня эффект разорвавшейся интеллектуальной бомбы. Я в первый раз увидел, как фотография может служить для выражения отношения художника к окружающему миру, как она может стать языком — то, чего я хотел, но никак не мог сделать. Основная часть книжки была посвящена художникам-дадаистам, которые одними из первых использовали фотомонтаж сознательно. Мне это очень понравилось, и я тут же пошел фотографировать все, что меня привлекало в городе.

menu А что вас в нем привлекало?

алексей Меня всегда притягивал пункт приема стеклотары, там собирались самые выдающиеся персонажи нашего микрорайона. Иногда они жгли костры, потому что надо было отстоять очередь — желающих было больше, чем денег в пункте приема. Я фотографировал проходные дворы, вывески и прочее. Наснимал много пленок, быстренько все распечатал и ножницами вырезал интересные места, которые стал складывать, как пазл. Получилось 7–8 коллажей

в изобразительном искусстве плохое или хорошее настроение можно передать не улыбками, а другим способом.

на тему «Ленинград с другой стороны». Я их на всякий случай перефотографировал и принес оригиналы в фотоклуб. Им очень понравилось, меня сразу приняли в члены клуба, и даже выпили за это. Правда, я тогда не пил, мне было 15 лет. А потом в суете возник вопрос о том, что нужно послать выставку в Финляндию. И мои работы тоже отправили в Хельсинки. В это время я как раз окончил школу и поступил в институт на отделение кино- и фотоискусства. Меня уже зачислили, и вдруг пришла бумага из какой-то организации, занимавшейся печатной продукцией, о моих антисоветских материалах, найденных на таможне. Мне сделали строгий выговор с предупреждением об отчислении. Перспектива была такая: если еще раз споткнусь — вылету, вылету — пойду в армию, чего абсолютно не хотелось. Поэтому я резко перешел к фотографированию пейзажей. Решил на время отложить это дело, чтобы доучиться в институте, где снял три фильма, сделал фотовыставку в Ленинградской филармонии о нашем замечательном дирижере Евгении Александровиче Мравинском и даже получил красный диплом. Затем пошел в армию, а после продолжил эту же тематику. Так родилась серия «Номенклатура знаков».

menu Как родилась идея серии «Город теней»?

058

алексей В 1989 году я впервые поехал за границу, во Францию, и в парижской галерее сделал выставку большей части «Номенклатуры знаков». Она имела большой успех, и я понял, что надо продолжать. Вернулся в Ленинград, сделал еще несколько работ. Постепенно ситуация начала меняться. Из магазинов стали пропадать продукты, не было даже крупы, молока, яиц, потом стали исчезать такие элементарные вещи, как мыло. Страна стала вкатываться в ужас. В Петербурге тогда жили пять миллионов, и большинство из них оставались практически без средств к существованию. В один вечер я грустно бродил с камерой в поисках материала для «Номенклатуры знаков» и увидел толпу людей в серых одеждах, переходящих от магазина к магазину. На их лицах было выражение отчаяния, которое меня совершенно потрясло. Я до сих пор не могу забыть это ощущение. Складывалось такое впечатление, что опять блокада, опять начинается что-то страшное. Я решил поехать домой, подошел к метро «Василеостровская», вся толпа сконцентрировалась вокруг станции — наземный общественный транспорт тогда не ходил, бензина не было. Люди бились, чтобы войти в метро, милиция останавливала толпу, организовывала порядок, но потом это все скомкивалось, кто-то перелезал через перила, милиционеры закрывали двери, кто-то терял одежду... На одной из фотографий вы можете видеть потерянные ботинки. Было ощущение, что это происходит в царстве теней, на том свете, в аду — где угодно, только не в нашей прекрасной стране. Я поставил камеру около станции метро с видом на толпу, открыл затвор и минуты три подождал. Когда

от фотохудожников отстала масса, которой нужны бытовые снимки. Это счастье!

я проявил пленку, изображения получились потрясающие. Они передавали то, что я чувствовал в тот момент. Вот так родилась идея создать этот цикл.

menu Эти фотографии, и правда, полны отчаяния и ощущения чего-то неизбежного. Но и на других ваших работах нельзя встретить улыбающиеся лица. Почему так происходит?

алексей Улыбаться можно не лицом. В музыке же никто не улыбается, но вы чувствуете веселое или грустное настроение. В изобразительном искусстве плохое или хорошее настроение можно передать не улыбками, а другим способом. Я, например, вожу солнце в кадр.

menu У вас есть фраза о миноре и мажоре звучания души. Что может лично в вас изменить звучание минорного лада на мажорный, и наоборот?

алексей Тональность меняется от того, что происходит вокруг. Человек, как градусник, реагирует на окружающий мир. Это связано с очень многими факторами. Не с тем, что вы

видите, а с тем, что вы знаете, что вы видели до этого, что вы думаете что будет завтра. Это как огромный ком. Ваша реакция очень сложная, но очень важно знать ее. Потому что иногда происходят страшные события, а отношение ваше может быть позитивным, и наоборот. Сами по себе события в этом мире ничего не значат. Важно наше отношение, в этом и состоит роль художника. Языком этих фотографий я рассказываю о десятилетиях, которые пережил, о судьбе России через судьбу Санкт-Петербурга с 1986 по 2009 год.

menu Есть ли у вас город-мечта, который хотелось бы снять?
алексей Я снимаю места, которые хорошо знаю. Поэтому сначала еду куда-то, а потом снимаю или фотографирую то, о чем долго мечтал. Я долго мечтал о Венеции и Гаване и, когда прилетел, сразу стал снимать. Но я о них много знал. А вот в Нью-Йорке не собираюсь пока что-то делать, хотя и снимаю иногда. Я хочу узнать его немножко. То же самое с Парижем. Я считаю, что в Нью-Йорке есть районы, которые заслуживают внимания и почему-то находятся в безвестности. Например, Бронкс. Он застроен прекрасными домами в стиле поздней эклектики или ар нуво, ар деко, но там живут очень бедные люди, он перенаселен в некоторых местах. В 10 минутах езды на экспресс-электричке от центра Манхэттена, а живет совершенно другой жизнью. В нем есть что-то от Петербурга Достоевского, что меня и привлекает. Я сейчас туда активно хожу, а потом буду снимать.

menu Почему для жизни вы выбрали Нью-Йорк?

алексей Во-первых, некоторые его районы очень похожи на Петербург. Во-вторых, работа в мастерской у меня занимает больше времени, чем съемка. Я захожу в темной комнате, а где находится сама эта комната, мне не важно. Важно, чтобы голова не болела из-за таких бытовых проблем, как протечка крыши, или что весь дом дрожит, когда роют канал, или что нет воды, света и газа на протяжении

какого-то времени, что в Петербурге бывает очень часто. В Нью-Йорке этого нет. Там у меня нормальная мастерская. Свет, газ, электричество не дороже, а продукты питания даже дешевле, чем в Москве и Петербурге. Как художнику, там хорошо жить и работать. И там находится 90% моих коллекционеров. В Москве их несколько, в Петербурге — ни одного.

menu Сейчас искусство фотографии стало безумно популярным: все ходят с камерами и считают себя фотографами. Не раздражает вас это?

алексей Радует, потому что сейчас в семье никто не просит меня сфотографировать. Все фотографируют сами. Понимаете, с развитием электронной музыки все играют, но это же не отменяет классическую музыку. С фотографией то же самое. Наоборот, это упрощает жизнь. Как живопись освободили от портретирования, когда изобрели фотографию, так и от фотохудожников отстала масса, которой нужны бытовые снимки. Это счастье! **menu**